

Но не успела еще Благодатная оставить стогны нашего града, как, в исход двенадцатого часа утрома, в отсутствие хозяев, загорелось в ветхом деревянном доме мажорна Верзева, находящемся в нижнем углу Троицкой Площади. Пламя, раздуваемое ветром, не смотря на март, приняты пожарную команду и жителями к потушению, быстро охватило дом купца Якунина, также соседственные дома, и перенеслось на другую сторону; пылающая головня, разносимая ветром, закигала город в отдаленных улицах. Через полчаса торговые ряды и дома, расположенные на Торговой Площади, были уже в пламени; вся торговая площадь сдвинулась как бы одною огненною улицею, не было к ней приступу. Пылали храмы Божии: Троицкий Соборъ и Введенская приходская Церковь, и не было возможности остановить огненную лаву; спасали только церковное имущество; съ трескомъ и шумомъ падали колокола. Частное имущество, товары изъ лавокъ выносили по Ильинской Улице мимо Стрелецкой на берегъ. Но большая часть товаровъ погибла или въ лавкахъ, или въ грудахъ на площади, отъ быстро разливавшегося пламени. Въ то же время горела Панская Улица и смежная съ ней Смерсова; дома, расположенные на шоссе и около Цыпля улицъ отъ зияющаго пламени сдвинулись неприступны. Въ это время огня и гибели много было сценъ, глубоко потрясавшихъ душу: тутъ слышатъ былъ раздражающій сердце вопль матери: Гдѣ мой дитя, мое сокровище? Не погибли ли она въ пламени? Мужъ, не видя своей жены, трепеталъ объ ея участи, братъ искалъ брата; сынъ, отдаленный пламенемъ отъ крова роднаго, не зналъ, что стало съ его родителями. Тутъ звалъ помочь вынести его сокровище, другой, едва не застигнутый разливающимся пламенемъ, бросалъ спасаемое имъ имущество, и думалъ только о сохраненіи жизни. Быстрота, съ какою разбрасывались ветромъ огненные головки въ разныя стороны, въ самыя отдаленныя улицы, гдѣ меньше всего можно было ожидать пожара, и удобовоспламеняемость деревянныхъ строеній, высушенныхъ стоявшими предъ тѣмъ жарами, не позволили жителямъ спасти большей части своего имущества; вынесенное въ огорода или на улицу сдвинулось тоже добычею пламени. На-

обращаются къ счастливому быту, въ которомъ еще такъ недавно мирно протекали дни его. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ появления вара, долженствующей возвестить о спасеніи Царя, но знаетъ, что съ новою зарею наступитъ послѣдній его часъ. «Ты придешь, моя зоря; взгляну въ лице твое, послѣдняя зоря!» говоритъ онъ съ полнымъ сознаниемъ ожидающей его участи.

Конечно, пѣніе его въ этомъ мѣстѣ не должно быть браурное, и простая, выразительная мелодія, на которой оно основано, изображаетъ весьма естественную грусть. Не менѣе того, въ ней нѣтъ ни малѣйшаго признака монотонности, потому что изъ основнаго тона *re-mineur* она уже при первомъ изложеніи модулируетъ въ *sol-mineur*, въ *si bemol-majeur* и въ *fa*. Къ тому же для большаго интереса, пѣніе сопровождается, кромѣ оркестра, арфою. При вторичномъ изложеніи, мелодія оканчивается весьма выразительною фразою: *Охъ, горкій часъ, послѣдній часъ*, въ которой употреблена неожиданная гармонизація при тремоло всѣхъ струнныхъ инструментовъ. Во всемъ этомъ прекрасномъ анданте (*cantabile*) не болѣе пятидесяти тактовъ, следовательно нѣтъ ничего изыскаго или утомляющаго.

Послѣ анданте начинается неподобный речитативъ, во время коего воображенію Сусанина представляются быстро мелькающія картины минувшаго. «Давно ли, говоритъ онъ, съ семьею своею я тѣшилъ счастьемъ дѣтей, готовилъ праздникъ свадебный!» Въ это мгновение въ партіяхъ фоготовъ и альтовъ появляется пианиссимо, какъ бы въ неизмѣримомъ отдаленіи, отрывокъ веселой мелодіи: *Время къ двачишку намъ приотпосится*. «И вотъ, продолжаетъ Сусанинъ, я очутился далече отъ всѣхъ, въ глуши, одинъ, на добычу врагамъ!» Тутъ «лейта тихо исполняетъ мелодію рондо *Какъ за рѣчкой, во слободкѣ*. «Охъ, мое дѣтище, Антонидушка!» восклицаетъ Сусанинъ, вспоминая о своей дочери: «Ты чула гибель мою!» — Съ воспоминаніемъ о дочери, въ воображеніи Сусанина мелькаетъ и мирная его хижина; и вотъ въ оркестрѣ обрисовывается прекрасная, плавная мелодія, подъ звуки которой изжанный отецъ давалъ кроткія наставленія дочери, какъ ей въ людяхъ жить, какъ хозяйствомъ править. «Но теперь всему конецъ, продолжаетъ Сусанинъ: вскорѣ на растерзанный мой трупъ лишь врагъ прялетитъ, лишь волкъ прибѣжитъ... и грустно, и страшно подумать!.. Бѣдная дочь моя!» — Какъ бы въ утѣшеніе несчастному, оживленная, удаляющаяся мелодія Собинина (*Послѣ битвы молодецкой*) обозначается въ оркестрѣ.

«Тебѣ, доброму молодцу, поручаю я дѣтище», говоритъ Сусанинъ, несколько ободрившись, и тутъ же

которые, спасая имущество ближнихъ, бросились къ домамъ своимъ тогда, когда къ нимъ отъ огня и дыму не было приступу, или находили ихъ догорающими. Въ шестомъ часу вечера огонь, останавливаемый въ некоторыхъ мѣстахъ скорою разломкою загорающихся строеній и усиленною поливкою воды на дома, угрожаемыя погубелью, пересталъ распространяться и подалъ только уже разрушенное имъ. Въ несколько часовъ пожаръ истребилъ Троицкий Соборъ и Введенскую приходскую Церковь, гостинные ряды и около четырехъ сотъ частныхъ домовъ, изъ коихъ каменныхъ пятьдесятъ девять, въ томъ числѣ домъ, принадлежащій Иверскому Монастырю, гдѣ помѣщалось окружное управление, и домъ градской думы, занимаемый приходскимъ училищемъ и богадельнею. Цѣнность погорѣвшихъ церквей, казенныхъ и частныхъ зданій и имущества простирается до миллионна рублей серебромъ. Изъ жителей потерпѣли на большую сумму убытокъ въ пожарѣ: почетные граждане купцы братья Корытковы; купцы Козловъ, Хахулинъ, Мельниковъ и другіе. Погибли двое: большой мажорна Еранинъ и присяжный Валдайскаго Уезднаго Казначейства отставной унтеръ-офицеръ Зитовъ, который, выйдя изъ дому съ иконою Печерской Божіей Матери, былъ застигнутъ пламенемъ, и найденъ обгорѣвшимъ на чужомъ дворѣ. Бѣдная лачуга его, не смотря, что вблизи кругомъ ея сгорѣло несколько домовъ, осталась въ цѣлости. Десятки Николаевъ, при тушеніи пожара, получили ушибы, и отъ того чрезъ несколько дней умеръ. Грустную картину представлялъ нашъ Валдай. Самый лучшей, богатой части города, такъ сказать сердца его, не существуетъ, или осталась одна развалины. Храмы Божіи стоятъ обнаженные. Мы не слышимъ звона колокола, и только, приоровляясь ко времени, знаемъ что идетъ служба Божія въ тѣсной Церкви Источницы Живоначальныя и кладбищенскомъ храмѣ. Торговые ряды, каменные дома лежатъ въ развалинахъ. Цыпля улицы, какъ напри- меръ, Панская, имѣвшая болѣею частью деревянную постройку, только грудами пепла напоминаютъ, что здѣсь еще недавно были жилища. По тѣсотъ этой улицы, камни, находящіеся на мостовой, болѣею частью отъ сильнаго жара перетрескались. Глазъ пу-

воспоминаніе о другомъ дѣтищѣ, о пріемышѣ Ванѣ, мелькаетъ въ его воображеніи.

«Отгасла итеничка
Мой Ваня, мой сыночекъ,
Посола мой скачетъ,
Легкой пташкой летитъ.»

Слова эти Сусанинъ поетъ на голосъ любимой пѣни пріемыша, но въ переключку съ кларнетомъ и съ некоторымъ измѣненіемъ въ гармонію, производящимъ раздражающее впечатлѣніе. — «Прощайте, дѣти, прощайте!» восклицаетъ Сусанинъ, какъ бы желая отдалить отъ себя всѣ сладкія воспоминанія, могущія нарушить его твердость; но трудно человеку разставаться съ милыми сердцу; борьба Сусанина еще разъ выражается музыкальною фразою, исполненною волненіемъ:

«Ахъ, бурная ночь, ты меня истомила!
Ахъ, лютаа смерть, ты выннлась въ мое сердце!»

Восклицаніе это — послѣдній порывъ борьбы Сусанина съ минувшимъ. Съ этой минуты непоколебимая его воля — принести себя въ жертву, беретъ верхъ, и онъ до конца этой превосходной сцены остается вѣрныи своему твердому, возвышенному характеру. Сусанинъ осматривается, приходитъ въ себя, и, увидѣвъ спящихъ Поляковъ: «Таборъ вражескій заснулъ», говоритъ онъ съ мрачною улыбкою: «спите крепко до зари! Дай и я вздремну; спомъ подкрѣплю; силъ для пытки надо много!» Съ этими словами онъ ложится на сырую землю. Настаетъ совершенная тишина и молчаніе. Вдругъ въ скрипкахъ проявляется легкая хроматическая фраза, изображающая перелетный втерокъ. Эта фраза порхаетъ отъ одного инструмента къ другому, то покажется въ скрипкахъ, то въ альтѣхъ, то замретъ на нижнихъ звукахъ виолончелей; потомъ вновь возвратится въ первыхъ скрипкахъ, улетаая все выше и выше. Между тѣмъ Сусанинъ заснулъ; ему снится о быломъ, и пока въ скрипкахъ обрисовывается перелетная фраза, «лейта обозначаетъ вновь мелодію рондо Антониды: *Какъ за рѣчкой, во слободкѣ*. По окончаніи этой фразы, движеніе въ оркестрѣ увеличивается; къ струннымъ инструментамъ присоединяются другіе, фраза дробится, втеръкъ бушуетъ сильнее — раздражается буря. Испуганные Поляки просыпаются, оставляютъ холодное ложе, и подъ дикіе звуки (трехъ-четвертная кода увертюры) выражаютъ смущеніе и страхъ.

«Послушай, москаль», говорятъ они, обращаясь къ Сусанину, «куда завелъ ты насъ? Признавайся, измѣникъ ты или нѣтъ?» — «Я вамъ скажу въ отвѣтъ, возрѣкаетъ Сусанинъ съ притворнымъ спокойствіемъ: «по совѣсти своей, я васъ веду, куда вѣсти мнѣ слѣдъ!»

* Эта музыкальная фраза, написанная въ $\frac{3}{8}$, не имѣетъ ничего общаго съ предъидущими, и служитъ новымъ доказательствомъ, что арти Сусанина нельзя упрекнуть въ однообразіи.

тѣшественника, възвѣщающаго въ Валдай изъ Новгорода, не встрѣтитъ на шоссе далеко ни какого строенія, межъ тѣмъ какъ давно ли здѣсь между многими другими красовались два, три дома изъ лучшихъ въ Валдай! Многие изъ жителей, потерявъ вмѣстѣ съ домами большую часть своего состоянія, помѣщаются по два и по три семейства вмѣстѣ въ тѣсныхъ квартирахъ. Некоторые лишены самыхъ средствъ къ дневному пропитанію, и прикрываются одеждами, данными изъ человеколюбія. Но надежда на покровительство и милость Царицы Небесной въ самой скорби не покидаетъ жителей. Ни единого слова ропота не слышно изъ устъ погорѣвшихъ. Такъ Господу угодно! Его Святая Воля! Матерь Божія поможетъ намъ, Пресвятая Богородица отретъ слезы наши! Сія и подобныя выраженія слышны въ разговорахъ. — 11-го августа, узнавъ о постигшемъ насъ несчастіи, прибылъ къ намъ Господинъ Начальникъ Губерніи, Генералъ-Маіоръ Трофимъ Ивановичъ Москвитинъ, раздѣлить съ нами скорбь нашу. Первымъ желаніемъ его, коему сочувствовали всѣ жители, было принести молитву Господу — Подателю всѣхъ благъ, въ твердомъ упованіи, что * *аще не Господь сохранитъ градъ, все бде стрѣй*. Въ одиннадцатъ часовъ утра на Троицкой Площади, предъ образомъ Св. Троицы, совершенно было мѣстнымъ духовенствомъ съ колѣнопреклоненіемъ молебное пѣніе, гдѣ отецъ Протоіерей Михайловскій, лишившійся самъ дома, въ краткой рѣчи трогательно сравнилъ участь жителей, находящихся во время пожара съ своими имѣніями на берегу озера, съ пльнями Израильскими на рѣкахъ Вавилонскихъ. Послѣ молебна господинъ начальникъ губерніи, съ трудомъ удерживая пробавающуюся слезу, обошелъ въ сопровожденіи жителей мѣста пожара, утѣшалъ плачущихъ, обнадеживалъ донести о семъ Государю Императору, отеческому сердцу Котораго всегда близко несчастіе дѣтей Его. Пріездъ Его Превосходительства былъ великимъ утѣшеніемъ для стующихъ; слова его вливали отраду въ унывающія сердца. 14-го числа въ первый разъ мы услышали звонъ колокола ко всенощному бдѣнію; не смотря на паденіе съ Троицкой колокольни, вышиною около девяти са-

* Псаломъ 126, ст. 1-й.

За шагомъ шагъ ведешь и добредешь. На горестномъ пути терпи; оконченъ путь! И оправдалась ходьба, и разыгралась судьба.» — «Все тотъ же загадочный языкъ!» восклицаютъ оробѣвшіе Поляки: «Отвѣчай просто, увидимъ ли Царя твоего?»

Сусанинъ какъ бы въ забытій поетъ протяжную мелодію «Румяная зоря промолвить про Царя, и мнѣ зоря по небесамъ засвѣтитъ. По правдѣ путь идетъ и доведетъ. По правдѣ духъ держать и крестъ свой взять. Врагамъ въ глаза смотреть и не робѣть!» Съ послѣдними словами Сусанинъ смѣло повертывается къ Полякамъ и величественно, грозно, прямо смотритъ имъ въ глаза. — «Измѣна! измѣна!» кричатъ Поляки, обнажая сабли. Въ эту минуту Сусанинъ указываетъ на небо, и съ восторгомъ восклицаетъ: «Заря! зоря! спасенъ нашъ Царь! Господи Боже, благодарю!» и обращаясь къ Полякамъ съ радостнымъ, но дикимъ какимъ-то воплемъ продолжаетъ: «Туда завелъ я васъ, куда и стрый волкъ не забгалъ, куда и черныи врагъ костей не заносилъ. Туда завелъ я васъ, гдѣ глушь и гладь, и стонъ, и страхъ, и смерть, и Божій судъ! Я васъ на судъ привелъ, царевійцъ; погибли вы! пропала! а Царь мой спасенъ! спасенъ!»

Послѣдніе вопли Сусанина теряются въ крикахъ убійцъ, окружившихъ его со всѣхъ сторонъ, но долго, долго отзываются они въ сердцахъ слушателей, доступныхъ къ пониманію высокохудожественныхъ наслажденій.

Эпизодъ, №№ 21-й и 22-й. Въ эпизодъ дѣйствіе переносится въ Москву. При поднятій завѣсы, декорация представляетъ широкую улицу. Толпы народа шумно и весело проходятъ чрезъ сцену, торопливо направляясь къ Кремлю. Чудное, истинно народное пѣніе на слова: *Слався, слався, святая Русь*, слышно и на сценѣ, и за кулисами, со всѣхъ сторонъ. — Вся Москва ликуетъ въ ожиданіи торжественнаго шествія законнаго Царя. Между тѣмъ на авансценѣ появляются осиротѣлая Антониды, женихъ ея и бѣдный Ваня, призываемые въ Кремль по царскому приказанію. Сопровождающіе ихъ спрашиваютъ, отчего они грустятъ, и не принимаютъ участія въ общей радости?

Ваня объясняетъ причину, и рассказываетъ печальное, но достопамятное происшествіе, лишившее жизни Сусанина.

«Ахъ, не мнѣ бдному,
Вѣтру буйному
Довелось принять
Вдохъ послѣдній его!»

Поетъ пріемышъ подъ звуки восхитительно-трогательной, выразительной мелодіи, сопровождаемой пятью виолончелями и контрбасами, расположенными

жени, большой колоколъ въсомъ въ 380 пудовъ сохранился въ цѣлости; въ первый разъ, къ общей радости жителей, въ нижнемъ этажѣ Введенской приходской Церкви отправлено было всеобщее бдѣніе, а на другой день, послѣ обновления храма, по призыву сгорѣвшаго жертвенника, совершена и литургія. По милости Божіей еще остался намъ храмъ для молитвы, есть гдѣ среди земныхъ тревогъ успокоить душу, хотя много еще нужно издержекъ для прикрытія онаго отъ наступающихъ осеннихъ ветровъ и непогоды. Не намъ разсуждать, грѣхи ли наши навлекли на насъ страшное бѣдствіе, или это есть испытаніе Отца Небеснаго изъ любви къ намъ: золото огнемъ очищается; но не лишнимъ упомянуть о слѣдующемъ обстоятельстве. Едва только чудотворная икона Иверской Божіей Матери по принесеніи изъ Иверской Обители 27-го Іюля вступила въ Троицкій Соборъ, какъ проливной дождь, продолжавшійся болѣе получаса, ручьями омылъ улицы города: при исходѣ ея отъ насъ огонь сжегъ жилища съ богатствами нашими.—Для приведенія въ извѣстность потерь отъ означеннаго пожара, Г. начальникъ губерніи учредилъ на мѣстѣ комитетъ, которому поручено и опредѣлять мѣру пособія. По донесенію же Его Превосходительства, для оказанія необходимаго на первый разъ вспоможенія болѣе нуждающимся погорѣльцамъ, Господиномъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено Г. начальнику губерніи позаймствовать вынужденно изъ суммъ мѣстнаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, на счетъ возврата изъ подлежащаго источника, до трехъ тысячъ рублей серебромъ впродъ до окончательнаго разрѣшенія пособій поманутымъ жителямъ, каковыя деньги, для раздачи нуждающимся, препровождены въ комитетъ, учрежденный по случаю настоящаго пожара. Независимо отъ сего, Государь Императоръ изволилъ Всемилостивѣе пожаловать 5000 р. сер. въ пособіе пострадавшимъ отъ пожара, предоставивъ распределение оныхъ ближайшему усмотрѣнію Г. начальника губерніи.

Ижевскъ, 2-го Сентября.—Въ теченіе второй половины Августа цѣны на хлѣбъ и прочія сельскохозяйственныя произведенія оставались безъ всякаго измѣненія. — Привезено въ городъ, въ теченіе

этого времени, разнаго хлѣба до 5,000 четв., пеньки до 2,000 пуд., кожъ сыровыхъ до 300 шт., и отправлено водою въ Калугу и Серпуховъ на 23-хъ судахъ хлѣба 8,366 четв., а именно: ржи 2,968 $\frac{1}{2}$ четв., овса 1,447 $\frac{1}{2}$ четв., пшеницы 21 $\frac{1}{2}$ четв., грѣхи 143 $\frac{1}{2}$ четв., крупъ грѣчевыхъ 764 четв., шена 12 $\frac{1}{2}$ четв., муки ржаной 1,729 $\frac{1}{3}$ кулей, пшеничной 1,150 четв., пеклеванной 100 четв., грѣчевой 12 четв., гороховой 8 четв. и овсяной 9 четв.; пеньки 3,005 пуд. и мыла 225 пудовъ. — Дороги находятся въ хорошемъ состояніи; погода измѣнилась: послѣ жаркой сдѣлалась разомъ холодною, но не дождливою; озимые хлѣба болѣею частью посѣяны, по холодному же времени и потому что не было перемочекъ входы посѣвовъ не хороши; конопли начинаютъ убирать.

(З. Г.)

Кіевъ, 11-го Сентября. Въ Радомысльскомъ Уездѣ, въ имѣніи Графа Олизара, 1-го Іюля градомъ, величиною съ утиное яйцо, при сильной бурѣ, выбито озимого и ярового хлѣбовъ, помѣщичьяго 716 и крестьянскаго 1120 десят., на сумму 16,524 руб. и разрушено строеній на 1000 руб., а всего убытка понесено на 17,524 руб. сер.

— Въ Таращанскомъ Уездѣ, 21-го Августа, тамошній мѣщанинъ Трофимъ Ладоновичъ отправился на охоту съ денщикомъ Бляевымъ. Последний на рѣкѣ Котлузъ застрѣлилъ утку, но какъ она была далеко отъ берега, то Ладоновичъ, чтобъ достать ее, раздвѣсивъ на берегу, поплылъ за уткой, которую, поймавъ, взялъ въ ротъ и уже возвращаясь къ берегу, но отъ усталости, потерявъ силу, утонулъ. Сбѣжавшіе крестьяне для поданія помощи вытаскивали изъ воды Ладоновича мертвымъ.

Рыбинскъ. Съ открытія навигаціи, по 1-е Сентября, къ Рыбинской Пристаніи пришло 2,823 судна (въ томъ числѣ 94 парохода), отправлено вверхъ по рѣкамъ 7,169, а именно по Волгѣ 3,652 (въ томъ числѣ 24 парохода), по Мологѣ 1,452, по Шекснѣ 2,065. На этихъ судахъ привезено клади, казенной и частной, на 16,424,193 р. сер.; отправлено вверхъ по рѣкамъ на 21,701,361 р., по Волгѣ на 10,595,323 р., по Мологѣ на 2,186,959 р., по Шекснѣ на 8,919,079 р. Судовъ отправлено внизъ по Волгѣ 379, съ разною кладью на 254,069 р. Пароходовъ съ пассажирами

самымъ искуснымъ образомъ. Пѣсья эта—воплъ разтерзанной души; въ ней каждый звукъ—слеза и рыданіе. Во второмъ куплетѣ, при словахъ *Ни стоны родныхъ, а крики враговъ раздались надъ нимъ*, въ мелодіи слышны раздражающіе звуки. Въ третьемъ куплетѣ прочіе главные голоса присоединяются къ контральному, что составляетъ чудное многоголосное пѣніе, въ коемъ каждая партія имѣетъ свое значеніе, искусно сливаясь съ главною мелодіею, не прекращающею своего теченія.

Сопранная партія, написанная въ этомъ мѣстѣ, чрезвычайно высока, и, по правдѣ сказать, трудно найти сопрано, который могъ бы исполнить ее съ необходимою извѣсною интонаціею, для того, чтобы не испортить общей гармоніи. Но намъ привелось однажды слышать подобный голосъ въ этой партіи, и мы тогда только поняли истинно поэтическое намѣреніе композитора, желавшаго выразить этими высокими звуками ангельское, заоблачное, такъ сказать, пѣніе.

№ 23-й, финалъ. Вскоръ умолкаютъ звуки надгробной пѣсни Сусанина. Декорація перемѣняется. Сцена представляетъ Красную Площадь въ Кремлѣ; ее покрываютъ густыя толпы народа. Величественные звуки, чудно изображающіе торжество цѣлаго народа, раздаются съ новою, болѣе и болѣе увеличивающеюся силою.

«Слався, слався, нашъ Русскій Царь,
Господомъ даннымъ намъ Государь!»

восклицаютъ радостные голоса. — Величественная музыкальная мысль растетъ, развивается; съ каждымъ приливомъ народа, въ партіяхъ появляются новыя фразы, сливающіяся съ главною, основною мыслию. Раздается постепенно усиливающейся колокольный звонъ. На одно мгновеніе народъ умолкаетъ, какъ бы ожидая великаго событія; внезапный взрывъ колокольнаго звона возвѣщаетъ появленіе въ Кремлѣ царскаго шествія; сильнѣе раздаются восклицанія, быстро переходя въ отдаленнѣйшіе тоны, и наконецъ при общихъ единодушныхъ, оглушительныхъ восклицаніяхъ: «Царь идетъ! Ура! ура!» завѣса опускается.

Заключеніе.

Предпринимая подробный разборъ оперы *Жизнь за Царя*, мы ни минуемъ не мечтали о возможности передать словами всю красоту музыкальнаго произведенія М. И. Глинки: мы знали, что трудъ нашъ, трудъ неблагодарный, и не менѣе того рѣшились довести его до конца, желая принести посильную лепту нашего горячаго сочувствія и уваженія къ таланту даровитаго нашего композитора. Какъ ни слабо наше описаніе, однако же мы надѣемся, что читатели, хотя нѣсколько свѣжшіе съ музыкальными разбо-

прибыло 45; изъ нихъ отправилось съ пассажирами же вверхъ по Волгѣ 24, а внизъ 20.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ГОРОДСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Пріѣхали въ С. ПЕТЕРБУРГЪ:

Изъ Ревеля, Генералъ-Маіоръ Фохтъ, и изъ Ковенской Губерніи, Генералъ-Маіоръ Ожминъ.

Выѣхали изъ С. ПЕТЕРБУРГА:

Въ Полоцкѣ, Генералъ-Маіоръ Лермантовъ.

— Въ числѣ отъѣзжающихъ за границу, въ ведомостяхъ показанъ Князь Салтыковъ.

— Къ 23-му числу Сентября больныхъ холерою въ С. Петербургѣ состояло 19; въ теченіе сутокъ вновь заболѣло 2, выздоровѣвшихъ не было, умеръ 1; затѣмъ къ 24-му числу Сентября осталось больныхъ 20.

— 23-го Сентября, въ двѣнадцатомъ часу ночи, во дворѣ дома наследниковъ Почетнаго Гражданина Лыткина, состоящаго въ 1-мъ Кварталѣ 3 й Части, загорѣлся съ внутренней стороны каменный сарай, въ которомъ были сложены дрова, и угрожало опасностью находившимся въ смежности двумъ деревяннымъ сараямъ купчихи Семеновою; но дѣйствіемъ пожарныхъ командъ пожаръ скорѣе прекращенъ. — Въ каменномъ сараѣ сгорѣло и разобрано все внутреннее деревянное устройство, а съ деревянныхъ сараевъ сняты крыши. (В. Сиб. П.)

— С. ПЕТЕРБУРГЪ, 21-го Сентября. Само желтое свѣчное перваго сорта вчера снова спрашивалось и куплено, для отправки въ Ковно, 300 боч., по 30 р. сер. за боч.; сегодня тоже отдали бы по этой цѣнѣ, но покупателей не было. — Пенька, по-прежнему, безъ требованія; въ Ковнѣ чистая продавалась уже по 38 р. с. за боч., и теперь даютъ эту же цѣну. О покупателяхъ другихъ значительныхъ товаровъ не слышно. (К. Г.)

— По С. Петербурго-Московской Железной Дорогѣ привезено въ С. Петербургъ, въ Іюнь 1854 года, разнаго рода клади 467,643 $\frac{3}{4}$ пуд.; въ томъ числѣ: пшеницы 43,674 пуд.; овса 1,204 $\frac{1}{2}$ пуд.; муки пшенич. и круч. 67,575 пуд.; ржаной 59,539 $\frac{1}{4}$ пуд.; грѣчевой, картош., горох., овсяной и толокна 2 пуд.; крупъ грѣчевыхъ 1,128 $\frac{3}{4}$ пуд.; овсян. и ячныхъ 3,926 $\frac{3}{4}$ пуд.; маиныхъ 263 пуд.; пшеничныхъ 8,142 п.; солода 17,489 п.; мяса свѣжаго и солен. 3,030 $\frac{1}{4}$ п., дичи и домашнихъ птицъ

такимъ ритмомъ. — Изъ замѣчательнѣйшихъ оркестровыхъ пѣсь М. И. Глинки болѣе всѣхъ понравилась публикѣ превосходная фантазія на народную пѣсню *комаринской*. Во всей Россіи не найдется, кажется, ни одного оркестра, который не исполнялъ бы этой прелестной фантазіи. Остроумный биографъ Бетговена (Beethoven et ses trois styles), Г. Ленцъ, справедливо замѣтилъ, что если бъ у величественной тѣни Бетговена, вызванной съ того свѣта звуками этой фантазіи, были руки, то она (т. е. тѣнь) подписала бы съ удовольствіемъ обими руками (L'aurait signé des deux mains) подъ *комаринской* Глинки безсмертное имя творца девяти симфоній. Ростиславъ.

ЖИЗНЬ МЕЧТЫ.

Разнообразіемъ видовъ, роскошью лѣсовъ и блестящимъ лунакомъ, Шантильи жилище, по преимуществу, царское. Въ этой *деревнѣ*, лежащей буквально посреди проспектовъ, водъ и рошей, есть множество уединенныхъ уголковъ, которые въ другихъ мѣстахъ или разбросаны, или небезопасны. Для любителя прогулокъ и для художника, это оазисъ, за исключеніемъ пустыни.

Лѣтъ за десять я жилъ въ Шантильи. Вообще нѣтъ ничего обыкновеннаго встрѣчь, въ родѣ той, о которой хочу разсказать; но ничего не можетъ быть оригинальнѣе и истиннѣе моей встрѣчи. Говорю о благовидномъ старцѣ. Всякій вечеръ, когда атмосфера становится теплою, второкъ затихаетъ, небо ясно, земля покрывается красноватыми отблесками, и каждая травка превращается какъ бы въ золотой стебель, я заставалъ его одинокимъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, подъ купою каштановъ. Когда онъ усаживался на дерновой скамейкѣ, обрѣтая ливнемъ, подобно старому кадику, къ заходящему солнцу, его можно было принять за молившагося поклонника—столько ясности, спокойствія было въ его созерцаніи. Въ тотъ день, когда, повинуясь любопытному сочувствію, я свѣлъ возлѣ него, онъ встрѣтилъ меня, улыбаясь, восклицаніемъ: «Вотъ и вы!» и этими словами началось наше знакомство. Подъ наружностью отшельника, явился предо мною человекъ, который много помнилъ, потому что много видѣлъ. Онъ хорошо зналъ жизнь, и хотя объяснялъ ее какъ мудрецъ, изучающій природу съ увеличительнымъ стекломъ въ одной рукѣ и со скальпелемъ въ другой, однако находилъ въ ней однѣ красоты, то есть утѣшеніе. Отъ такого взгляда, въ голосъ его, какъ въ голосъ древнихъ оракуловъ, была кроткая и съ тѣмъ вмѣстѣ торжественная важность, которая не могла не дѣйствовать на сердце.